

ЦЕРКОВНЫЯ СРЕДСТВА БЛАГОДАТИ.

(Изъ Лютардта).

Идея Творца—наше спасеніе, т. е. единеніе наше съ Богомъ, составляющее наше назначеніе; въ ней мы обрѣтаемъ истину. Лицемъ и дѣломъ Иисуса Христа утверждено и осуществлено это спасеніе; церковь носитъ его въ собѣ какъ совровище; въ свящ. Писаніи есть первобытное свидѣтельство о немъ. То, что въ ней произошло безъ насъ, должно теперь сдѣлаться нашей внутренней принадлежностью.

Съ христіаниномъ происходитъ то же самое, что и съ христіанствомъ. Міръ могъ принять христіанство, но не могъ произвести его: это было новое дѣло Божіе, не произведенное исторією, какъ и Иисусъ Христосъ есть дѣло Божіе, котораго не могла создать жизнь наша. Христіанство есть новый творящій принципъ въ исторіи міра, и для того, чтобы мы могли сдѣлаться христіанами, въ связь нашей нравственной жизни должно войти новое творческое духовное могущество. Въ этомъ состоитъ сущность благодати и дѣйствія ея на человѣка. Она не только ученіе, убѣжденіе, предписаніе; она не только представляетъ намъ идеаль и подаетъ новыя идеи; она дѣйствительный фактъ, она творческое могущество, которое овладѣваетъ нашимъ умомъ и волей и вызываетъ въ насъ новыя идеи и движенія. Мы не можемъ сказать, что

она непосредственно входитъ въ нашу внутреннюю жизнь; мы должны быть приготовлены къ ней; она имѣетъ связь съ результатами нашихъ собственныхъ нравственныхъ стремлений и способностей; но сама она не есть результатъ нашей собственной нравственной силы, а возобновленіе ея. Мы можемъ жадать ея, мы можемъ стремиться къ ней, но не можемъ ея достигнуть; она должна идти на встрѣчу намъ и сама сообщиться намъ; но во всякомъ случаѣ она производитъ дѣло свое не помимо насъ, потому что производить его въ насъ. То нравственное дѣло, которое можетъ совершить человѣкъ, не можетъ быть отнято у него никѣмъ другимъ, даже Богомъ; онъ долженъ исполнить его самъ; но все наше сотрудничество съ Богомъ основывается на томъ началѣ, которое дѣло Божіе полагаетъ въ насъ. Самъ Богъ долженъ начать это новое въ насъ, вложить въ насъ зародыши обновленія, сообщить намъ новую нравственную силу. Такъ какъ спасеніе въ Иисусѣ Христѣ было помимо насъ дѣломъ Божиимъ, то и усвоеніе его намъ есть дѣло Божіе. Тутъ Духъ Божій дѣйствуетъ на нашъ духъ.

Всякое духовное дѣйствіе людей, всякое вліяніе одного на другаго требуетъ соответствующаго ему посредничества. Два великія средства, которыми человѣкъ вліяетъ на человека, суть слово и дѣло. Въ эти формы облекается и Духъ Божій и дѣлаетъ ихъ средствомъ своей благодати. Съ давнихъ поръ церковь обозначала средствами благодати слово и таинство, посредствомъ которыхъ дѣйствіе Духа Божія приближается къ намъ и входитъ въ насъ.

Духовная сила сильнѣе силы физической на землѣ, и всегда новыя великія идеи приводили міръ въ движеніе. Всѣ другія могущества и силы служатъ только могуществу духа. Гордые зданія, которыя создала сила господства или оружія, обрушиваются и превращаются въ развалины, а духъ царитъ

надъ этими развалинами и переносить мысли свои изъ столѣтій въ столѣтїе. Онѣ однѣ существенно остаются, все остальное проходитъ: онѣ способствуютъ результату исторїи послѣдующихъ поколѣнїй, онѣ соединяютъ умы, раздѣленные тысячелѣтїями. Онѣ составляютъ центробѣжную силу духа, возбуждаютъ энергію воли и воспламеняютъ силу вдохновенїя, которая составляетъ душу всѣхъ великихъ дѣлъ и надежду на успѣхъ. Форма же духа и покровъ, въ который облакается идея, есть слово.

Слово есть откровенїе духа, составляющее его плоть. Откровенїе Божїе съ самаго начала облеклось въ слово, и слово сдѣлалось выраженїемъ самого откровенїя; духъ можетъ облакаться въ различныя формы; онъ можетъ все избирать способомъ, посредствомъ котораго Онъ говоритъ къ намъ и дѣйствуетъ на насъ. Онъ говоритъ къ намъ посредствомъ всего богатаго міра символовъ; но истинное пребыванїе его есть все же слово, и ко всему другому, служащему выраженїемъ его, ко всѣмъ знаменїямъ и символамъ, все же должно присоединиться объясняющее слово, чтобы духъ, заключающійся въ видимой формѣ знаменїя, освободить и заставить поворить нашему уму. А потому слово есть средство духовнаго общенїя и сила духовнаго влїянїя; хотя бываетъ и безмолвное общенїе и молчаливая дѣятельность, но все это основывается на словѣ. Слово образуетъ связь духа съ духомъ, которая уже въ таинственной тиши продолжаетъ свое дѣло.

А потому, когда Богъ хотѣлъ открыть человѣку средство спасенїя и хотѣлъ освободить душу его отъ нечестїа грѣха, Онъ открылъ Себя въ словѣ. На каждой ступени откровенїя спасенїя мы видимъ новое слово Божїе, которое примыкаетъ къ преданїю предыдущаго и ведетъ его дальше; такъ распространяется слово и его дѣйствїе изъ рода въ родъ; на этомъ словѣ уже основывается письменное изложе-

ніе, въ которомъ мы во всякое время можемъ найти сохранившаеся преданіе. Всякое дохристіанское слово относилось къ Тому, Который самъ назывался Словомъ, т. е. къ Иисусу Христу. Евангелистъ, желая найти самое обиприѣйшее и полнѣйшее выраженіе Иисуса Христа, назвалъ Его «Словомъ» (Іоан. 1, 1). Это значить, что Онъ абсолютное откровеніе. Въ Него Господь вложилъ все свое сердце и всю свою волю и выразилъ ее намъ. Онъ, составляющій содержаніе всего Вѣтнаго Заѣта, Онъ, составляющій душу новаго, Онъ—просто Слово, Онъ абсолютное откровеніе Божіе; по форма его откровенія и средство его дѣятельности было слово, въ которое Онъ вложилъ самого себя.

Иисусъ Христосъ творилъ также знаменія и чудеса, и уже одно появленіе Его производило сильное вліяніе на воспріимчивыя умы. Но когда Иисусъ Христосъ хотѣлъ показать все величіе сердца своего и до глубины потрясти сердца человѣческія, то Онъ обильно доказательство свое въ слово, которое одно могло придать Его чудесамъ и знаменіямъ и всему явленію Его свойственное значеніе и дѣйствіе. Всѣ мы знаемъ, какимъ потрясающимъ душу могуществомъ обладаютъ слова Иисуса Христа. И своимъ ученикамъ Онъ въ словѣ указалъ то могущество, посредствомъ котораго они спасутъ міръ. Призваніе ихъ должно было состоять въ проповѣди слова: *идите научите вся яыки; проповѣдите евангеліе всей твари*. Со времени первой проповѣди въ день Троицы слово ученія Христова проникаетъ міръ.

Слово есть сила церкви и ея распространенія. Хотя подчасъ страсть къ господству и корыстолюбіе заключали союзъ съ миссіею церкви и предлагали къ ея услугамъ свои мірскія средства, но истинная сила миссія есть все же слово проповѣди. Когда евангеліе проникаетъ къ язычникамъ, то оно приноситъ имъ не только религію, но и культуру. Мис-

сія имѣеть громадное культурное значеніе, гораздо большее, чѣмъ думаютъ тѣ, которые считаютъ ее дѣломъ благочестія и смотрятъ на нее презрительно. Но всему этому служить основаніемъ слово.

Слово представляется намъ въ различныхъ образахъ: если мать заставляетъ молиться дитя свое или объясняетъ ему библейскія картины, если учитель обучаетъ юношество библейской исторіи, если мы развиваемъ на кафедрѣ предъ нашими юными богословами тайны христіанскаго ученія, или, если я здѣсь говорю съ вами о вопросахъ нашей вѣры, то все это будетъ провозглашеніе слова въ различныхъ образахъ. Но истинный образъ его есть все же открытое провозглашеніе его въ проповѣди. Здѣсь оно сосредоточиваетъ всю свою силу и высказываетъ все свое дѣйствіе.

Но это должно быть дѣйствительно проповѣдь слова Божія и не что иное. Не должно фразировать и щеголять витѣватостію рѣчи или предлагать выставку собственной мудрости и богатства ума или краснорѣчія. Мы должны проповѣдывать не о себѣ, не о дарованіяхъ нашихъ или о нашей бѣдности, но о словѣ Божіемъ, т. е. объ Иисусѣ Христѣ, а тѣ, которымъ мы говоримъ, должны желать слушать не насъ, не наши мысли или прекрасныя слова, а слово Божіе, т. е. Иисуса Христа. Но проповѣдь въ томъ видѣ, въ какомъ должна быть, составляетъ самый соотвѣтствующій и дѣйствительный образъ слова Божія.

Проповѣдь была главнымъ занятіемъ Иисуса Христа во время Его земной жизни, проповѣдь Онъ опредѣлилъ главнымъ признакомъ членства въ своей послѣдованіи. Служеніе великихъ пророковъ ветхаго завета состояло въ проповѣди, религіи древняго міра и противодѣйствіе ихъ христіанству были низвергнуты силою проповѣди. Исторія церкви говоритъ намъ о значительномъ числѣ мужей, которые упот-

ребляя это орудіе духа съ великимъ успѣхомъ. Проповѣдь есть сила, приводящая міръ и душу въ движеніе. Намъ проповѣдуетъ не только слово открытаго ученія, намъ проповѣдуетъ и природа, намъ проповѣдуетъ и религіозное украшеніе церквей и домовъ нашихъ. Но способъ, которымъ Богъ непосредственно говорить къ намъ, духъ съ духомъ, сердце съ сердцемъ,—все же слово, а истинный образъ его есть открытое провозглашеніе его въ проповѣди.

Въ чемъ состоитъ содержаніе слова?

Мы можемъ находиться подъ такимъ впечатлѣніемъ, когда на насъ можетъ подѣйствовать одно слово. Это впечатлѣніе минуты налагаетъ давно подготовленному послѣднюю печать и заканчиваетъ его. Но мы все же нуждаемся въ цѣломъ словѣ, а цѣлое слово состоитъ изъ закона и Евангелія. Оба они должны оказывать свое вліяніе на насъ, если мы желаемъ достигнуть полнаго усвоенія спасенія и здоровой христіанской жизни.

Господь поступаетъ со всѣмъ человѣчествомъ, какъ и съ отдѣльнымъ лицомъ, педагогическимъ путемъ. Исторія есть воспитаніе рода человѣческаго, а въ частности повторяется законъ цѣлаго. Нравственный же законъ всего воспитанія гласитъ: чрезъ законъ къ свободѣ. Когда евангелистъ хочетъ представить отличіе ветхаго завѣта отъ новаго, онъ говоритъ: законъ данъ Моисеемъ, благодать же и истина произошла отъ Іисуса Христа. Когда апостолъ Павелъ хочетъ охарактеризовать различіе временъ, онъ обозначаетъ его закономъ и евангельской свободой, и основное ученіе нашей церкви должно состоять въ опредѣленіи этого различія между закономъ и евангеліемъ. Эти различающіеся между собою законъ и евангеліе стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу. Апостолъ Павелъ называетъ законъ вѣстующимъ во Христа, т. е. руководителемъ ко Христу; итакъ

законъ служить евангелію и посредствомъ себя самого вестъ къ евангельской свободѣ. Всѣ мы знаемъ, что съ христіанствомъ началось новое время; время закона уступило мѣсто времени благодати, хотя Богъ во всякое время есть Богъ благодати и уже въ ветхомъ заветѣ есть евангеліе. Душа ветхаго завета—обѣтованіе Христа, но только одно обѣтованіе. Евангеліе составляетъ будущность ветхаго завета; его настоящее—законъ. Когда мы читаемъ постановленія законовъ ветхаго завета, то намъ можетъ казаться непонятнымъ, почему они распространяются о такихъ частностяхъ, почему опредѣляютъ внѣшности, по нашему мнѣнію, совершенно незначительныя, и не ограничиваются великими нравственными истинами. Это было бы неблагоприятно, если бы законъ не предназначался къ служенію воспитанія. Онъ долженъ былъ чувствоваться какъ законъ. Онъ долженъ былъ лежать ярмомъ на раменахъ. Онъ долженъ былъ подчинить долгу и повиновенію всю жизнь, со всѣхъ ея сторонъ, на каждомъ шагу. Мы иногда приказываемъ дѣлать свои́я такіа-то вещи, которыхъ они могли бы и не дѣлать, но которыя должны дѣлать не потому, что этого требуетъ само дѣло, а потому, что мы это приказали. Они должны научиться повиновенію. Настанетъ время и для нихъ, когда они будутъ освобождены отъ строгаго повиновенія закону и будутъ принадлежать себѣ. Но прежде они должны созрѣть для этой свободы. Законъ служитъ къ тому, чтобы ихъ сдѣлать зрѣлыми для этого. Законъ намъ всѣмъ необходимъ. Въ писаніи сказано: мужу пригодно нести ярмо юности своей. Кто не научился повиноваться, тотъ не научился и повелѣвать. Кто не укротилъ своего произвола, тотъ въ послѣдствіи не сумѣетъ воспользоваться свободой. Законъ есть необходимая ступень нравственнаго развитія. Если мы его перешигаемъ или изъ ложной мягкости набавимъ другимъ отъ него, то возникаетъ неповиновеніе и произволъ; онъ со-

ставляет переходную ступень къ свободѣ. Многіе никогда не переходятъ этой ступени, они постоянно повинуются закону какъ въ своей внѣшней, такъ и внутренней жизни, но они должны бы переступить его и освободиться отъ него, по слову апостола—черезъ посредство закона умереть для закона.

Какимъ образомъ достигается законъ того, что доводитъ насъ до свободы? Первая его обязанность состоитъ въ томъ, что онъ подчиняетъ насъ дисциплинѣ, воспитываетъ насъ: онъ сдерживаетъ порывы страстей нашихъ и препятствуетъ распространенію ихъ запрещеніемъ своимъ. Мы должны научиться владѣть собой и силою воли обуздывать плотское вожделѣніе свое. Это конечно не можетъ отнять у насъ нашей похоти и искоренить въ насъ грѣховную склонность; законы не могутъ измѣнить сердца. Расположенію нельзя повелѣть и любви нельзя приказать. Законъ насъ не освобождаетъ отъ грѣха, а только заставляетъ сознаться въ немъ; потому что именно въ то время какъ мы стараемся побѣдить себя и повиноваться закону, мы тѣмъ сильнѣе чувствуемъ противодѣйствіе нашей грѣховной наклонности. Кто строже присматривается къ себѣ, тотъ чувствуетъ и признаетъ свое безсиліе противъ могущества грѣха, угнетающаго насъ. Мы конечно должны работать надъ собою. Но какова бы ни была наша строгость къ самимъ себѣ и наша нравственная сдержанность, она не измѣнитъ насъ. Мы должны побѣждать въ себѣ пороки и стремиться къ добродѣтели. Но сколько бы мы ни уничтожали въ себѣ недостатковъ и ни приобрѣтали добродѣтели, сколько бы ни дѣлали добрыхъ дѣлъ и какъ бы ни поступали законно во всемъ,—мы черезъ это не сдѣлаемся другими людьми. Конечно, лучше имѣть серьезныя намѣренія, чѣмъ жить легкомысленно изо дня въ день. Но съ одними хорошими намѣреніями нельзя попасть въ рай. Прекрасно

видѣть, если юный энтузіазмъ гонится за нравственнымъ идеаломъ и съ силой воодушевленія возвышается надъ нравственной пошлостью, въ которой погибаетъ большая часть нашей молодежи. Всѣ вы знаете тотъ разсказъ изъ Евангелія, какъ богатый юноша подошелъ къ Іисусу Христу съ вопросомъ: «что онъ долженъ еще сдѣлать, чтобы достигнуть царствія небеснаго». Это былъ юноша съ энтузіазмомъ, жаждущій идеала. И сердце Спасителя, также какъ и наше, порадовалось нравственному благородству человѣческой природы: Онъ взглянулъ на юношу—такъ говорить повѣствованіе (Марк. X, 21)—и полюбилъ его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ разсказъ показываетъ, что все же намъ не достаточно одного идеала, что этимъ путемъ мы не побѣдимъ существующаго въ насъ разлада. Я смѣло могу сослаться на опытъ каждаго человѣка: достигъ-ли онъ путемъ собственнаго нравственнаго стремленія истинной нравственной свободы? Вамъ извѣстно нравственное развитіе древняго міра. Можетъ-ли быть благородство нравственнаго воодушевленія выше того, которое мы встрѣчаемъ въ нравственномъ мірѣ идей Платона и въ его идеалѣ истины, добра и красоты? То, что насъ въ юности такъ живо воспламеняло и что всегда будетъ воспламенять юность, покуда она останется вѣрною себѣ, есть именно то идеальное дуновеніе нравственной красоты, которое паритъ надъ этимъ вѣчно юнымъ міромъ, тотъ благородный духъ нравственнаго стремленія, говорящій нашему уму устами его великихъ людей. А все-же, чего достигъ древній міръ? Прізываніе его состояло въ томъ, что когда онъ развивалъ и истощилъ всѣ присущія человѣческой природѣ возможности, онъ призналъ свое безсиліе. Это его остающееся призваніе: быть постояннымъ, громко говорящимъ памятникомъ человѣческихъ предѣловъ. Я умолчу о той глубинѣ грѣха, въ которой такъ многіе погрязли; я только говорю о его

благороднѣйшихъ представителей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше поднимается голосовъ, оплакивающихъ несчастный разладъ, котораго мы не въ силахъ побѣдить. Таковъ опытъ всѣхъ, которые шли этимъ путемъ. Мы желаемъ и не можемъ, мы хотимъ и не хотимъ; мы стремимся, и все же не можемъ сдѣлаться свободными; мы все дѣлаемъ новыя предпріятія и никакъ не можемъ привести ихъ въ исполненіе. «Я несчастный!» восклицаетъ апостолъ Павелъ съ трогательной жалобой въ 7 главѣ посланія къ римлянамъ, гдѣ онъ изображаетъ этотъ внутренній разладъ и несостоятельность собственной воли противъ перевѣса грѣха нашей природы. И таковъ конецъ, котораго достигаетъ всякій, кто идетъ этимъ путемъ, таковъ опытъ, который всѣ мы сдѣлали на этомъ пути: мы чувствуемъ себя глубоко несчастными. Такъ должно быть. Такова цѣль закона.

Тогда евангеліе прибавляетъ: *егда прииде кончина мѣта*, говоритъ апостолъ, *посла Богъ Сына своего* (Гал. 4, 4). Онъ подразумѣваетъ время закона. И Израиль и язычество имѣли свое время закона. Чѣмъ для Израиля былъ законъ Моисея, тѣмъ для языческаго міра былъ нравственный идеалъ философской морали. Когда свершилось время, Богъ послалъ Сына своего. Это повторяется и у каждаго отдѣльнаго лица: когда законъ выполняетъ относительно его свою задачу, онъ уступаетъ мѣсто евангелію.

Евангеліе же—Иисусъ Христосъ. Онъ содержаніе христіанской проповѣди. Онъ Самъ Себя проповѣдывалъ и апостолы проповѣдывали Его. Онъ составляетъ и нашу проповѣдь.

Что значить проповѣдывать Иисуса Христа? Это значить проповѣдывать благодать Божію, прощеніе грѣховъ, утѣшеніе вѣрующихъ. Если мы хотимъ понять суть проповѣдей Иисуса Христа, то должны употребить слѣдующія выраженія: *приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы*; или тѣ утѣшительныя слова, которыя Онъ произ-

несъ грѣшницѣ: иди, дочь моя, грѣхи твои прощены тебѣ, вѣра твоя помогла тебѣ (Лук. 48); или вспомнимъ Его притчи, напримѣръ притчу о блудномъ сынѣ (Лук. 15). Если мы хотимъ знать корень апостольской проповѣди, то намъ отвѣчаетъ апостолъ Павелъ: мы проповѣдуемъ Христа распята (Кор. 1, 23, 2, 2). Слово же о крестѣ есть слово примиренія; и такъ мы посланы вмѣсто Иисуса Христа, мы убѣждаемъ вмѣсто Него: примиритесь съ Богомъ, ибо незнакомъ грѣха Онъ сдѣлалъ для насъ жертвою за грѣхъ, чтобы мы въ Немъ сдѣлались праведными предъ Богомъ (2 Кор. 5, 19—21). Оправданіе вѣрою, т. е. усвоеніе примиренія въ прощеніи грѣховъ и признаніе насъ дѣтьми Божиими, вслѣдствіе воспріятія благодати Божіей,—вотъ проповѣдь о Христѣ.

Самое тяжелое изъ, которое лежитъ на насъ—вина и сознаніе ея, а главнѣйшая потребность наша состоитъ въ томъ, чтобы обрѣсти прощеніе грѣховъ и быть увѣреннымъ въ благодати Божіей.

Говорятъ, что ученіе объ оправданіи есть порча нравственности, между тѣмъ какъ оно напротивъ есть выраженіе нравственной строгости; потому что мѣрило нравственности каждаго есть степень силы и живости его нравственнаго сознанія, нравственное же сознаніе чувствуетъ прежде всего грѣхъ, какъ вину, а потомъ уже какъ могущество, связывающее нашу волю. Прежде чѣмъ воля наша можетъ трудиться надъ нравственнымъ исправленіемъ, по крайней мѣрѣ трудиться съ удовольствіемъ и въ виду хорошихъ результатовъ, совѣсть наша должна пожелать освободиться и чувствовать себя освобожденной отъ бремени обвиненія. Мы должны обрѣсти право забвенія того, что позади насъ, чтобы стремиться къ тому, что впереди насъ. Но это право забыть грѣхъ нашъ можетъ сообщить намъ только Господь, потому что только противъ Него мы согрѣшили. Онъ одинъ можетъ простить намъ, а не мы сами. Намъ нужно Его прощенье, если мы хотимъ быть спокойны и довольны.

Если ребенокъ погрѣшилъ противъ родителей своихъ, то прежде чѣмъ начать новую жизнь, онъ ищетъ прощенія. Пока ему не простятъ, онъ несчастенъ, до тѣхъ поръ тяготѣетъ на немъ бремя вины его, до тѣхъ поръ онъ не можетъ найти отрады въ своихъ новыхъ поступкахъ. Прежде всего онъ проситъ прощенія, и даже тогда, когда онъ наказанъ, онъ знаетъ, что этия дѣла не кончено, и тогда искреннѣйшая потребность его—прощеніе. И не потому онъ ожидаетъ прощенія, что обѣщаетъ исправиться, потому что онъ обязанъ предъ Богомъ и родителями всегда быть хорошимъ, но онъ получаетъ прощеніе не безъ того, чтобы онъ не исправился, но не потому только, что онъ исправится, а потому что родители желаютъ простить ему по доброй волѣ; хотя нравственно намъ не возможно высказать прощеніе дѣтямъ нашимъ, если мы не видимъ въ нихъ серьезнаго желанія исправиться, но основаніе прощенія заключается не въ дѣтяхъ, а въ родителяхъ.

Тоже самое и здѣсь. Не мы исправляемъ нашъ грѣхъ или вину нашими добрыми дѣлами или намѣреніями. Нельзя ничего исправить, потому что лучшее, что мы желаемъ и дѣлаемъ, мы обязаны дѣлать. Не потому прощаетъ насъ Богъ, что мы обѣщаемъ исправиться, не потому, что мы осуждаемъ нашъ грѣхъ и внутренно освобождаемся отъ него, не потому, что мы измѣняемъ свое намѣреніе и исправляемся. Мы не приобретаемъ прощенія, мы не заслуживаемъ его, а Богъ свободно даетъ намъ его. Но Онъ не можетъ простить насъ, если мы не измѣнимъ нашего намѣренія. Строгое намѣреніе исправиться есть условіе прощенія, но не основаніе его. Основаніе прощенія только въ Богѣ и его благодати; только она прощаетъ насъ во имя Іисуса Христа, во имя примиренія Іисуса Христа, посредствомъ котораго божественная святость сдѣлала возможнымъ прощеніе наше. Вѣра наша до-

ставляетъ намъ эту благодать, потому что есть вѣра въ благодать примиренія; посредствомъ ея мы обрѣтаемъ прощенье. Не въ вѣрѣ нашей заключается основа прощенья, не потому мы обрѣтаемъ его, что вѣра наша имѣетъ такое важное значеніе, что она составляетъ такое доброе дѣло, которое Богъ долженъ былъ бы наградить, и основаніе его не въ любви нашей, которая уже изъ вѣры вытекаетъ, или не въ нашемъ раскаяніи, изъ котораго вытекаетъ вѣра, не въ насъ, а только въ Богѣ и примиряющей смерти Іисуса Христа. Только одна благодать, а не что иное причиною тому, что Богъ сообщаетъ намъ свое милосердіе и дѣлаетъ насъ дѣтьми своими. Это мы называемъ вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ оправданіемъ, которое состоитъ въ разрѣшеніи отъ всякой вины и наказанія и усыновленіи насъ Богу. Не потому, что мы не грѣшны, но хотя и грѣшны и именно потому, что грѣшны, но вѣруемъ въ Его всепрощающую благодать, мы освобождены отъ грѣха, прощены и удостоены Его благодати. Это оправданіе не есть измѣненіе, происходящее въ насъ самихъ, но, если такъ можно выразиться, дѣло происходящее въ Богѣ самомъ, перемѣна въ Его сужденіи о насъ, въ нашемъ значеніи предъ Нимъ. Онъ хочетъ въ насъ видѣть дѣтей своихъ и какъ съ дѣтьми своими поступать съ нами, и Духъ Божій свидѣтельствуетъ нашему духу о томъ, что мы дѣти Божіи,—свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ въ словѣ Божіемъ, которое обращается къ намъ и утѣшая говоритъ намъ: успокойся, сынъ мой, дочь моя, грѣхи твои прощены тебѣ, вѣра твоя спасла тебя. Такъ Духъ Святый сообщаетъ сердцу нашему посредствомъ слова радостную, въ Богѣ покоющуюся увѣренность, которою долженъ обладать христіанинъ, если онъ хочетъ истинно христіански жить и умереть; потому что только отсюда вытекаетъ свободная радостная любовь дитяти къ Богу, благодарное послушаніе жизни, сладость смерти. Это цѣль слова и его торжество.

У каждого христіанина это, конечно, сопровождается многими колебаніями, даже паденіемъ и возстаніемъ вновь. Но слово Божіе сильнѣе нашей слабости, и рядомъ съ нимъ выступаютъ спутники его, которые по предназначенію Божию являются на помощь вѣрѣ, а именно таинства.

Что такое таинства?

Прежде всего они символическія дѣйствія.

Нѣтъ религій безъ символовъ, и христіанство также не лишено ихъ. Символь соотвѣтствуетъ потребности человѣческой природы. Пуританство, признающее только бѣлыя стѣны, не знаетъ человѣческой природы. Истина ищетъ видимой формы, и слово облачается въ образъ чувственный. Вся жизнь наша проникнута символами. Всѣ мысли ума нашего, всѣ наклопности сердца ищутъ символическаго выраженія: почему не можетъ дѣлать этого религіозная жизнь? Безъ символа не можетъ быть богослуженія. Все богослуженіе есть святой символъ. И развѣ мы по дѣйствию самой природы нашей не вносимъ его во всю нашу жизнь? Если мы складываемъ руки, если мы наклоняемъ голову или поднимаемъ ее, если мы преклоняемъ колѣни—все это символъ, чувственный знакъ безчувственного. Мы любимъ окружать себя символами; мы сдѣлали крестъ всеобщимъ символомъ всего христіанства. Всякая картина Спасителя для насъ символъ. Во всякомъ искусствѣ есть нѣчто символическое, потому что нигдѣ искусство не выражаетъ просто дѣла. Чѣмъ возвышеннѣе дѣло, тѣмъ болѣе искусство служить только указаніемъ на него. Оно стремится къ тому, чтобы быть точнымъ выраженіемъ дѣла, но должно сознаться въ томъ, что оно весьма отдалено отъ цѣли. Ни одинъ живописецъ никогда не достигнетъ того, чтобы въ образѣ Иисуса Христа представить всю полноту благодати и истины. Всякое истинное искусство имѣетъ нѣчто символическое, потому именно оно и дѣлается ступенью,

ведущею насъ изъ міра видимаго въ невидимый. Такая помощь намъ нужна и въ религiи. Нѣтъ религiи безъ символовъ, и христіанская религiя не можетъ быть лишена ихъ. Въ каждой религiи есть символическія дѣйствія, и въ христіанской тоже; они не произвольны: если я благословляю кого нибудь, я невольно кладу руку на его голову. Всякое богослуженіе есть система символическихъ дѣйствій. Гдѣ ихъ недостаетъ, тамъ оно безжизненно и холодно; они соотвѣтствуютъ потребности нашей природы. Но есть различіе между религіями дохристіанскими и религіею христіанской. То были религiи предсказанія, это религiя исполненія. Символы христіанства не указываютъ на нѣчто существующее внѣ ихъ, на будущее свержаніе, но они говорятъ намъ о настоящемъ, и высочайшіе символы носятъ его въ себѣ. Это таинства. Таинства суть символическія дѣйствія, но это символы, исполненные содержанія; они обладаютъ тѣмъ дѣломъ, которое обозначаютъ. Главныя изъ таинствъ—крещеніе и причащеніе.

Прежде чѣмъ Спаситель разстался съ учениками своими, Онъ указалъ имъ на крещеніе какъ на дѣйствіе, посредствомъ котораго всѣ тѣ, которые пожелаютъ, могутъ быть приняты въ число учениковъ, въ общество будущей церкви. Крещеніе есть таинство воспріятія. Внѣшняя форма его не совершенно новая. Она присоединена къ прежней церемоніи. И въ вѣкахъ за вѣтъ были омовенія и очищенія, и Іоаннъ Креститель употребилъ крещеніе водой, какъ символъ покаянія и прощенія для приготовленія къ вступленію въ царствіе небесное; но Іисусъ Христосъ вложилъ въ эту форму новое содержаніе. Это содержаніе Онъ высказываетъ въ исповѣданіи Отца и Сына и Святаго Духа, которое должно было соединиться съ этимъ дѣйствіемъ. Крещеніе должно воспринять насъ въ общество тріединаго Бога и его спасенія. Но средоточіе этого откровенія спасенія есть примиреніе у креста и прощеніе

грѣховъ. Это выражаетъ дѣйствіе крещенія. Оно эмблема. Она заключается въ элементѣ, который употребляется для этого, и въ самомъ дѣйствіи. Вода есть средство очищенія, и дѣйствіе омовенія—дѣйствіе очищенія. Крещеніе означаетъ очищеніе грѣховъ, и не только то, что мы должны очиститься, но что и Господь желаетъ насъ очистить. Оно не только означаетъ это, но и даетъ намъ то, что означаетъ. Оно основаніе христіанской жизни. Христіанская жизнь есть жизнь общенія съ Богомъ. Препятствіе этого общенія состоятъ въ винѣ грѣха. Крещеніе есть таинство очищенія совѣсти отъ вины и намѣреніе связать насъ съ Богомъ. Союзъ общенія съ Богомъ есть Духъ Святый. Съ водою очищенія связанъ духъ соединенія. Итакъ крещеніе есть союзъ чистой совѣсти съ Богомъ.

У насъ крещеніе сдѣлалось крещеніемъ дѣтей. Повода церковь исполняетъ дѣло миссіи, она обращается съ крещеніемъ и словомъ своимъ къ взрослымъ; но коль скоро она утверждается въ извѣстномъ мѣстѣ, то смотритъ на дѣтей, находящихся въ лонѣ ея, какъ на своихъ дѣтей и воспринимаетъ ихъ въ общеніе спасенія, представительницею котораго она служитъ. Въ Дѣяніяхъ апостоловъ мы читаемъ, что Павелъ часто крестилъ цѣлыя семейства, потому что христіанство должно быть душею жизни не только отдѣльнаго лица, но и всеобщей семейной жизни. Выраженіемъ этого служатъ крещеніе дѣтей. Правда, что дѣти наши не понимаютъ ничего, когда ихъ крестятъ, потому что вся ихъ духовная жизнь пребываетъ во снѣ, изъ котораго она только постепенно пробуждается, но она все же существуетъ и они принадлежатъ своему Богу и Творцу: развѣ же они не должны быть переданы и Спасителю? Развѣ мы не молимся о дѣтяхъ нашихъ? Развѣ мы въ сердцѣ своемъ не ходатайствуемъ за нихъ предъ Богомъ? Когда однажды израильскія женщины

принесли дѣтей своихъ къ Иисусу Христу, чтобы Онъ благословилъ ихъ, и ученики хотѣли отправить ихъ, потому что дѣти не могли ничего понимать, Иисусъ Христосъ запретилъ имъ это, взявъ дѣтей на руки, положилъ имъ руку на голову и благословилъ ихъ. Почему же и намъ не приносить дѣтей своихъ и не быть увѣренными въ томъ, что Онъ приметъ и благословитъ ихъ? Крещеніе служитъ выраженіемъ этого.

Дѣти наши не могли еще нагрѣшить, мы привыкли считать ихъ невинными; но все же они принадлежатъ роду человеческому, на которомъ тяготѣетъ общая вина. А то, что невинность ихъ имѣетъ свои границы, обнаруживается тотчасъ, какъ скоро умъ ихъ начинаетъ развиваться и вмѣстѣ съ нимъ всѣ склонности, изъ которыхъ развиваются грѣхи. Они не менѣе насъ, стариковъ, нуждаются въ благодати Божіей.

Разумѣется, дѣти наши не сознаютъ того, что совершается съ ними при крещеніи, потому что они вообще не имѣютъ сознанія. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что у нихъ вообще внутренно ничего не происходитъ? Развѣ въ новорожденномъ не заключаются зародыши всего будущаго умственнаго и нравственнаго развитія? И какъ можно опредѣлить день, въ который они начинаютъ въ немъ дѣйствовать внутренно? Далекъ за предѣлами нашего сознанія находится начало нашей внутренней духовной жизни, и мы испытываемъ различныя вліянія, духовныя, нравственныя вліянія ея, не сознавая того. Кто можетъ назначить Духу Божію предѣлы, за которые Онъ не долженъ выходить? Онъ производитъ дѣло свое въ душахъ дѣтей точно такъ же, какъ и взрослыхъ.

Въ воспоминаніе спасенія отъ Египта, въ Израилѣ ежегодно приносили въ жертву въ праздникъ пасхи, весною, агнца, и съ торжествомъ въ общемъ кругѣ начинали св. вечерю, въ знакъ освобожденія и въ залогъ благодатнаго общенія Бога съ своимъ народомъ. Когда І. Христосъ въ послѣдній разъ

*

свершалъ эту святую вечерю съ учениками своими, вечеромъ, наканунѣ смерти своей, когда душа Его глубоко была тронута предстоящимъ—мыслями о смерти своей, жертвою для міра грѣшниковъ, мыслями о разлукѣ съ учениками своими, которыхъ Онъ однихъ оставлялъ въ мірѣ; тогда Онъ взялъ хлѣбъ, поблагодарилъ, разломилъ его, далъ ученикамъ своимъ и сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло мое*. Точно также взялъ чашу послѣ вечера, далъ имъ ее и сказалъ: *пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь моя, яже за многа изливается во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ мое воспоминаніе* (Мат. 26).

Такъ говорилъ Господь и такое завѣщаніе Онъ оставилъ своему обществу вѣрующихъ; и это завѣщаніе христіанство исполняло во всѣ времена, оно всегда смотрѣло на причащеніе, какъ на величайшее изъ дѣйствій своихъ, какъ на высокосвященную тайну и всегда, основываясь на словахъ Спасителя, видѣло въ немъ тѣло и кровь Его. Потому въ древней церкви при совершеніи этого великаго таинства духовникъ обращался къ каждому съ словами: тѣло Христово! кровь Христова! а воспринимающій отвѣчалъ: аминь! Таково исповѣданіе христіанской церкви и теперь повсемѣстно.

Святое таинство есть послѣднее завѣщаніе удалившагося отъ насъ Господа, простившагося съ нами. Оно должно быть свято для насъ уже и по естественному ощущенію, какъ завѣщаніе умирающаго. Но для христіанина оно болѣе того. Это—святое святыхъ нашей христіанской церкви, къ которому мысль наша прикасается только со страхомъ. Не въ томъ дѣло, чтобы мы понимали его вполне мыслями нашими, а въ томъ, чтобы мы съ смиренной вѣрою восприняли то, что чинитъ «дѣла. удѣлъ, ч. вышесми. чѣзъ чѣмъ тѣ блгушловенія, которое оно намъ предлагаетъ. Это обѣтъ любви. Мы поймемъ его только тогда, когда постараемся понять любовь. Сущность любви состоитъ въ томъ, чтобы дать самого себя.

Итакъ мы должны въ немъ видѣть любовь, которая намъ сама сообщается; такимъ путемъ должны идти наши мысли, если мы хотимъ это понять.

Хлѣбъ и вино принимаетъ Христосъ. Это благороднѣйшя и самыя общія произведенія земли, служащія пищей человѣку, и потому ихъ избралъ Господь. Принимая таинство или сообщая его вѣрующимъ, мы должны принимать и сообщать его подъ обоими видами, и не имѣемъ права упускать одного изъ нихъ. Никакое искусство ума не можетъ измѣнить завѣщанія Спасителя.

Хлѣбъ и вино должны служить намъ пищею и питіемъ. Для этого существуетъ таинство. Пріимите и ядите; пріимите и пійте. Нѣтъ никакого права измѣнять это опредѣленіе.

Хлѣбъ даетъ силу, вино добрый духъ. Мы должны черпать въ нихъ силу и веселіе вѣры и жизни. Что таинства означаютъ, то они и даютъ. Содержаніе таинства Господь выражаетъ словами о своемъ тѣлѣ и крови. Тѣло свое Онъ предалъ смерти за насъ, кровь свою Онъ пролилъ за насъ. Но тотъ, который умеръ на крестѣ, живетъ теперь на небѣ въ преображенной человѣческой природѣ. Онъ воскресъ и вознесся на небо и общалъ намъ присутствовать у насъ до скончанія вѣка. Онъ не только послалъ намъ Духа своего, но и самъ хочетъ присутствовать у насъ тѣмъ же, какимъ Онъ нѣкогда ходилъ на землѣ, какимъ Онъ умеръ на крестѣ и лежалъ въ гробѣ и который теперь преображеннымъ сидитъ одесную Отца и всегда близокъ къ намъ. Онъ, Сынъ человѣческій, сѣдящій одесную Отца небеснаго, благоизволяетъ входить во внутреннѣйшее общеніе съ нами. Мы стоимъ не только въ духовномъ, но и въ полнѣйшемъ общеніи съ Нимъ; мы получаемъ не только силы Его божественной природы, но и Его человѣческую природу, которую Онъ даритъ намъ. Общеніе съ Нимъ у насъ должно быть полнѣйшее. Вотъ цѣль

любви. Надо понимать любви, любовь высочайшую, чтобъ понимать это таинство.

Для чего Онъ отдасть Себя намъ? Онъ умеръ на крестѣ и прославилъ наше человѣчество. Онъ умеръ, чтобъ искупить наши грѣхъ. Грѣхъ нашъ прощенъ, будущее прославленіе наше заручено намъ. Первое—наше утѣшеніе, когда мы бросимъ взглядъ на прошедшее, а послѣднее—наша надежда, когда мы заглядываемъ въ будущее. Сами же мы находимся въ настоящемъ, мы стоимъ на пути изъ міра грѣха въ міръ будущаго блаженства, изъ жизни смерти въ жизнь воскресенія. Причастіе есть пища странствованія нашего. Когда мы устаемъ, когда мы чувствуемъ слабость свою, когда у насъ исчезаетъ утѣшеніе прощенія, когда вѣра наша ослабѣваетъ и надежда блѣднѣетъ, тогда мы прибѣгаемъ къ этому таинству, тогда мы утѣшаемся и укрѣпляемся, тогда тѣло и кровь Христова закрѣпляетъ насъ, что намъ прощены грѣхи наши и доступна вѣчная жизнь. А потому всякій разъ, когда мы ядимъ этотъ хлѣбъ и пьемъ это вино, мы должны провозглашать смерть Спасителя до пришествія Его (1 Кор. 11, 26). Его смерть есть наше утѣшеніе, Его пришествіе—наша надежда.
